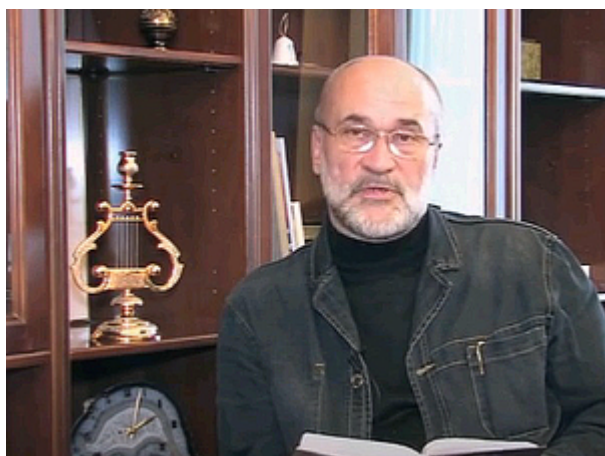


Юрий Казарин. «Вечерка» и время перемен

В преддверии 100-летия газеты «Вечерняя Москва» продолжает цикл публикаций «Наш век».

Корреспондент «Вечерней Москвы» побеседовал с ветераном журналистского труда **Юрием Казариным**. В «Вечерней Москве» он прошел путь от стажера до главного редактора. Он руководил газетой с 1998 по 2000 год. Своими глазами видел Августовский путч в начале 90-х и обстрел Белого дома в 1993 году. Он рассказал о том, как со сменой эпохи трансформировалась газета и о чем читали москвичи 30 лет назад.



– Юрий Иванович, вы ведь далеко не сразу пришли в журналистику. Какой путь вы прошли до начала работы в «Вечерней Москве»?

– Я ведь еще со школы хотел заняться журналистикой. Но все-таки потом сделал выбор в пользу технической специальности. Так я в «Приокской правде» проработал 18 лет, начал со стажера, а последней там была должность заведующего отделами партийной жизни и промышленности. А потом я решил все бросить и попытать счастья в Москве.

– Почему выбрали именно «Вечернюю Москву»?

– Мой сослуживец перебрался в столицу на шесть лет раньше меня. Он работал как раз в «Вечерке». По его рекомендации я и пришел в газету в 1986 году. Снова начал как корреспондент на гонораре. Была такая должность. Зарплату регулярную, как у штатных сотрудников, я не получал. Только гонорар за свои

тексты. Закончил работать в 2000 году как главный редактор.

– Какой газета была во времена перестройки?

– Тогда мы еще выходили на четырех полосах. При этом последняя почти полностью отдана была под рекламу. На других страницах тоже ее хватало. И поэтому, чтобы все новости городские уместить, мы работали часто в мелком формате. Что это означает? Ну вот говорит мне на планерке главный редактор Семен Давыдович Индурский написать репортаж на 80 строк, примерно 2400 символов. Это гораздо меньше, чем я привык писать в Рязани. А в «Вечерке» это считалось большим материалом. Сразу чувствуется разница. В столице ведь много важных событий.

Обо всех нужно рассказать емко, но кратко. Я помню свое первое задание. Нужно было написать об ударнице труда одной из столичных фабрик. Ну я и написал – как привык на 130 строк. И тогда я впервые столкнулся с жесткими столичными порядками. В два раза сократили мой материал. Я дальше себе такое правило взял: писал так, как привык, а потом садился и сокращал сам, прежде чем редактору отдавать. Ну это то, что касается внутренней жизни редакции. Писали мы в то время, как и любая городская газета, о том, чем жили наши читатели. Было много бытовых тем.

Писали о расширении города, принимали жалобы от читателей. Отвечали на их письма. Сильно интересовались москвичи спортом и культурой. По последней сфере у нас была очень сильная команда. Сильная своими связями. Наверное, главное отличие того издания от современной «Вечерки» в том, что мы выходили только вечером. В 14:00 уже все должно было быть готово. Отдавали номер в печать. И уже в 16:00 вереница машин такси выстраивалась к нашему комбинату.

– Почему газету развозили таксисты?

– Все дело в скорости. Киосков было много, и все они были рассредоточены по городу. Таксисты разъезжались в разные

районы и быстро доставляли газету. Важно было успеть до конца рабочего дня. Чтобы жители города по дороге домой могли взять свежий выпуск.

Работа под пулями

– Как газета работала во время Августовского путча 1991 года?

– Тут стоит отступить немного назад. Семен Давыдович Индурский был главным редактором 25 лет. Ему удалось выстроить такую систему, что газета к власти относилась нейтрально. Не было ни резкой критики, ни прославления. Поэтому, например, мы одни из немногих, кто напечатал сообщение о смерти Владимира Высоцкого в свое время. Семен Давыдович умер в 1988 году. После главным редактором стал Александр Иванович Лисин. И газета начала стремительно меняться. Как раз в это время уже проходили первые митинги. Зарождалось демократическое движение. И Александр Иванович решил, что об этом нужно писать. Газета стала больше критиковать власть. Исчезли ограничения по формату. Почти не сокращали материалы. Помню один случай в 1989 году.

Пришли к нам в редакцию журналисты из Германии. Начали говорить, что газета у нас неинтересная. Что не пишем мы о важных событиях. И почему-то мне они все это высказывали. Так я взял и показал им наши критические материалы, заметки о митингах. Они обалдели, конечно. Поэтому в 1991 году «Вечерка» считалась одной из демократических газет. Но в отличие от других нас не закрыли. Тогда ведь оставили работать только «Комсомолец», «Московскую правду» и нашу «Вечерку». Остальные закрыли. Когда уже танки появились на улицах, было, конечно, страшновато. Помню, в день путча я утром ехал в Министерство печати на редакционной «Волге». А рядом танк. Такая махина, ему стоит чуть в сторону повернуть – от нас и мокрого места не останется.

Страшно было. За себя, за страну. Услышал тогда я по радио обо всем. О созыве ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному

положению. – «ВМ»), о том что Михаил Горбачев отстранен от власти.

– Вы были в те дни у Белого дома?

– Да, лично видел эти небольшие рукотворные баррикады. Тогда ломать нечего особо было на улице, чтобы большие построить. Хоть где-то и бетонные плиты поставили. Благодаря демократической репутации нашей газеты нас даже пустили внутрь. Я помню, как пришел в кабинет к вице-президенту России Александру Руцкому. С ним побеседовал. Вернулся в редакцию.

У нас ведь здание тогда было совсем недалеко. В общем, времени на страх не было. Нужно было работать. Выезжать на интервью, писать материалы. Газета должна была выходить каждый день, и все это понимали. Были сотрудники, которые в редакции буквально заперлись на несколько дней. Работали, из здания не выходили. В целом спокойнее было, чем потом в 1993 году.

– События с обстрелом здания в 1993 году вы тоже освещали?

– А как же. Тогда, правда, больше стрельбы было намного. Стекла в редакции выбивало. В октябре, накануне обстрела, мы с ответственным секретарем газеты Евгением Стрельчиком пытались вновь пройти внутрь Дома правительства. Снова баррикады. Мужики крупные стоят на охране. Они там сказали тогда: «Ах, вы из «Вечерней Москвы». Идите давайте отсюда быстро!» В этот раз не получилось. И буквально на следующий день я из метро выхожу на «Площади 1905 года» – и слышу стрельбу. Много выстрелов. Крупнокалиберные пулеметы.

Очень громкий грохот стоял. Помню, уже после того, как танки обстреляли Белый дом, какая-то группа вырвалась оттуда по Звенигородскому шоссе. И они как раз проходили мимо редакции. Все, кто был в здании, к окнам прилипли. А тут боец внизу как дал очередь из автомата по дому. Мы все на пол попадали. Никого, слава богу, не задело. В стеклянном коридоре у главной лестницы следы были от пуль. В кабинете главного редактора выбило стекло. И странное дело, потом долго гордились этими

трещинами и дырками.

Жалко было менять стекла. Редакции пришлось перейти на аварийный режим работы, если можно так сказать. Мы никого не выпускали из сотрудников на улицу. Безопаснее было в редакции. Только по работе выезжали корреспонденты. Одну ночь мы все в редакции ночевали. Страшно было, но никто не говорил о том, чтобы остановить работу. Газета выходила в эти дни. Утром 5 октября 1993 года мы с Евгением Стрельчиком снова пошли к Белому дому. Страшное зрелище. Видели трупы, которые еще не успели убрать. Собирали гильзы от крупнокалиберных пулеметов. Парочка даже сохранилась у меня.

Суровая конкуренция

– В 1990-х годах газета стала серьезно конкурировать с телевидением. Как удавалось сохранить читателей?

– Нельзя сказать, что мы были в этом сильно успешными. Все-таки телевидение приносило больше всего доходов. Наша газета стала независимым изданием с 1990 года. До этого мы были, можно сказать, еще одним органом Моссовета. Но мы все еще были популярной газетой. В киосках «Вечерку» разбирали быстро. Тираж у нас был приличный для того времени. Под 100 тысяч экземпляров мы тогда печатали.

Правда, в начале десятилетия были тиражи и по 600 тысяч, но ведь изменилось многое. Старались давать людям самые интересные новости.

Расширили саму газету. Как раз в это время перешли на формат восьми страниц. Экспериментировали с временем выхода. Пробовали утром, потом опять вечером, по-разному. В один период даже печатали дважды в день газету. С разными материалами, конечно. Вводили новые рубрики, чтобы читателя зацепить. В то время очень модными стали большие интервью. Мы закупили аппаратуру – японские диктофоны.

Мы не чувствовали какого-то недостатка в материалах или

интересных темах. Но акценты сместились, конечно. Бытовые проблемы отошли на второй план. Все стали интересоваться политикой. Об этом много писали. Но и сохраняла газета прямую связь с читателем. У нас была рубрика «Справочное бюро».

Жители города задавали свои вопросы письменно или по телефону обращались. И в этой рубрике мы им помогали советами, рассказывали к кому пойти для решения проблемы.

– Изменились взаимоотношения с властью?

– Да, с властью тогда были отношения необычные. Я такой приведу пример. Я, еще будучи корреспондентом во времена СССР, случайно зашел в кабинет первого заместителя главного редактора в неподходящий момент. Как раз звонил ему инструктор горкома партии. Подняв трубку, заместитель вскочил на ноги. Потому что с инструктором горкома партии полагалось разговаривать только стоя. А в 1990-е все стало по-другому. Помню, во время планерки позвонил нам Александр Руцкой. Тогда он был вице-президентом Российской Федерации.

Фактически второй человек в стране. Главный редактор Александр Лисин взял трубку, а мы все у него в кабинете были. Слов разобрать было нельзя, но Руцкой был чем-то очень недоволен. Долго и громко кричал в трубку. Эмоций много было, за что-то там мы покритиковали его в предыдущем выпуске. Лисин ему говорит: «Александр Владимирович, мы с вами в таком тоне и такими словами разговаривать не можем. Давайте снизим на полтона». Крики в трубку продолжились.

Тогда его Лисин прямо спросил: «Ну что накричались? Давайте по делу теперь!» Крики на том конце, кажется, только усилились. Еще один случай был в начале 1990-х. Тогда митинги проходили. И я работал на одном из них, который организовали возле «Лужников». Там такой вал людей был. И у меня тогда опыта никакого не было в плане их подсчета. Я спросил об этом у одного из организаторов акции. Мне ответили, что около 100 тысяч участников собралось. Сомнительной мне показалась эта

цифра. Я обратился к подполковнику милиции. Он на глаз прикинул, учитывая размеры площади, что собралось порядка 50 тысяч, не меньше. Я тогда так и написал в репортаже, что собралось 50 тысяч человек.

На следующий день звонит в редакцию секретарь горкома партии. Он главному редактору говорит: «Этого Казарина надо примерно наказать. Что это такое? В официальной справке 15 тысяч человек, а он написал, что 50 тысяч!» Лисин это спокойно выслушал. Потом собрали редакционную коллегию. Я тогда в нее уже входил. Рассказал, как было, откуда цифру взял. Подполковник, видать, тогда еще не был искушен в предвыборных играх и сказал по правде, как увидел. Митинг же был в поддержку Бориса Ельцина. А он для властей был как красная тряпка. Посовещавшись, редколлегия приняла решение: указать Юрию Казарину, что, несмотря на инженерное образование, считать он умеет плохо. Вместо 15 тысяч насчитал 50. Такой ответ отправили в горком партии.

Там, конечно, ожидали другого, на наказание такое решение несколько не походило.

Новый взгляд

– Вы возглавили газету на смене тысячелетий. Что изменилось в работе?

– Стало больше телефонной работы. Нужно было давать информацию очень оперативно. Все чаще корреспонденты просто звонили, расспрашивали и по тому, что услышали, писали. Я сейчас некоторые другие газеты читаю. Думаю, там около 80 процентов материалов написано либо таким же способом, либо через интернет.

Можно сказать, что к новому тысячелетию газета подошла уже не такой независимой, как была раньше. Во-первых, контрольный пакет наших акций мы продали Банку Москвы. Фактически они стали управляющими. Еще и режим власти стал более строгим. Уже не получалось писать так свободно. Сам про себя начинаешь

думать, что пускать в номер, а что нет. Иногда вообще какие-то смешные мелочи вдруг вызвали негодование. Помню, мне однажды поздно вечером мэр Юрий Михайлович Лужков позвонил по «вертушке». Это телефон специальной связи с правительством столицы. Громко ругался. Мы накануне опубликовали совершенно рядовую заметку о том, где собирается провести свой отпуск мэр города. Он на это разозлился, сказал, что теперь не сможет в это место поехать, хотя давно хотел. И бросил трубку.

Раньше подобные заметки никого не обижали, читателям было интересно, а тут вдруг... А что касается редакционной жизни. Мы как раз в начале 1998 года подняли заработную плату всем сотрудникам. Заведующие отделом у нас получали тысячу долларов. Очень приличные деньги по тем временам. И тут в августе грянул этот дефолт. Все уменьшилось в шесть раз. И зарплаты тоже сильно упали. Пришлось менять формат газеты. Мы вернулись на какое-то время к четырем полосам. Рекламы стало очень мало, а значит, и доходы сильно упали. Но нас это не сломало. Газета продолжала выходить, журналисты продолжали работать. Стали постепенно выкарабкиваться. Снова вернули восемь полос.

К новому тысячелетию мы решили расширить охват тем. Стали писать не только о Москве, но и глобальных событиях. У нас был собственный корреспондент в Санкт-Петербурге. Еще журналисты писали для нас материалы из Риги.

Еще была пара городов. Мы тогда обратили внимание на такой феномен. Наша газета, казалось бы, только про Москву. Но читают ее по всей стране. Так было и раньше, но обратили на это внимание мы с приходом нового тысячелетия. Помню, отдыхал летом в Одессе. На пляж вышла женщина с криком: «Московская «Вечерка!» Так сразу куча народу встала со своих мест и кинулась к ней. Буквально за полчаса расхватали все выпуски.



– Вы в этом году уже отметили свой 84-й день рождения, как себя чувствуете?

– Самочувствие отличное, правда, уже изрядно подводит зрение. Читать газеты самостоятельно уже не могу. Я прошу дочку. Она приходит, читает мне вслух. До сих пор выписываю еженедельную «толстушку» родной «Вечерки».

ДОСЬЕ

Юрий Иванович Казарин родился 12 февраля 1937 года в Рязани. После окончания школы служил в Прибалтике. Затем поступил в Московский энергетический институт. Окончил обучение в вузе в 1960 году. По целевому направлению поехал в Сибирь, там участвовал в строительстве электростанций в Ангарске, Норильске и Красноярске. После этого вернулся в Рязань.

Начал внештатно писать в местную газету «Приокская правда». За 18 лет работы в этом издании дослужился до заведующего отделами партийной жизни и промышленности. В 1986 году перешел в «Вечернюю Москву». Прошел путь от стажера до главного редактора.